

М. Лобанов

ВРЕМЯ
РЫВАЕТСЯ
В КНИГИ

Виктору Васильеву
Гура - с симпатией
и уважением
Август 27/II - ВЗ

Советский
писатель

МОСКВА · 1963

Нет, все-таки хотелось бы, чтобы герой был преисполнен не только декларативно-идейных или деловых достоинств, но и собственно человеческих... И надо сказать, что надобность в таком герое все более осознается писателями. В ряде вышедших за последние годы книг чутко улавливаются веяния времени, черты характера советского человека, вступившего в новую полосу жизни, вообще очевидно усиление нравственного пафоса.

Любопытный этический «материал» содержится в книгах В. Тендрякова. Этот писатель отличается смелостью, подчас горячностью нравственной оценки жизненных фактов и явлений. Из повести в повесть, я бы сказал, с дотошным пристрастием «испытывает» он человека на честность, нападает на бюрократическое бездушие, всякого рода насилия над моралью. У В. Тендрякова-художника есть своя уязвимость, но надо сказать, что самое обращение писателя к темам острым, к жизненным процессам сложным достойно признания. Ведь легче всего не замечать трудностей жизни, но литератору желательно все-таки не идти на поводу у этой сомнительной мудрости.

Одна из последних повестей В. Тендрякова, «Суд», заостренно полемически решает нравственную задачу. На охоте произошел трагический случай — убит человек. Кто из двух охотников, одновременно стрелявших в медведя, случайно оборвал человеческую жизнь — Дудырев ли, начальник крупной стройки, или фельдшер Митягин? Третий, самый опытный охотник, медвежатник Семен Тетерин, своим криком — чтоб не стреляли! — не успевший

остановить охотничий азарт, путем сличения застрелявшей в убитом медведе дробишки устанавливает, что человек погиб от выстрела Дудырева. И тут-то начинаются муки совести Семена. Он идет к Дудыреву и объявляет ему правду. Дудырев не хочет признаться, что он убийца, хотя и не желает «топить» безвинного Митягина. Разговор со следователем, подавляющим собеседника своим ученым красноречием, вносит в душу Семена полнейшую сумятицу. Следователь не склонен принимать в расчет представляемую Семеном улику, говоря, что ее можно толковать явно не в пользу Тетерина, как попытку вызволить из беды своего соседа — фельдшера Митягина.

Как мы видим, завязывается довольно запутанный узел психологических взаимоотношений людей. В конце концов Тетерин забрасывает в лесу улику — злополучную пульку — и на суде скрывает правду, тем самым ставя под удар невинного человека. Что же заставило Семена капитулировать перед собственной совестью? Автор замечает, что постепенно Семена стал мучить «не укор совести... а страх». Разговор с человеком, которому Семен доверял, председателем колхоза Донатом Боровиковым, не только не облегчил его душевных затруднений, но, напротив, еще более их усугубил. Это чрезвычайно примечательный разговор, дающий повод для кое-каких существенных этических выводов.

Выслушав тетеринские соображения, Донат говорит: «Кроме митягинской правды, которую ты выковырял из медведя вместе с пулькой, есть и другая... Ты вот докажешь, что виновен Дудырев, что

его по всей строгости должны в каталажку упрятать, с работы убрать. Буду я этому рад? Нет! А почему? Да потому, что боюсь — вместо Дудырева сядет какой-нибудь тип, пойдет тогда на строительстве, как на престольном празднике: кто-то стекла бьет, кто-то шкуру рвет. Интересно это мне, к примеру? Да упаси бог, сплю и вижу тот день, когда этот комбинат рядышком станет, рабочий класс вокруг него поселится... Эта ваша глупая оказия, на проверку, не только Дудыреву коленки подобьет — нам всем по ногам ударит».

Послушаем уже до конца внушительную исповедь Доната. В ответ на недоумение Семена: «Добро строить на погибели?» — Донат поясняет:

«— Эх, ежели бы мне такая сила была дана — всех пристраивать, всех ублажать! Так нет такой силы. Не бывает! Приходится изворачиваться, а там долго ли толкнуть кого ненароком. Не для себя, для общей пользы толкаешь.

— Не по совести говоришь, Донат.

— По жизни говорю. А жизнь тебе не коврижка с медом, иной раз вжуешься — скулы сводит, а глотать нужно».

При случае Донат может сделать доброе дело, но этот же Донат может и так толкнуть человека ради... «общей пользы», что тот не поднимется.

В рассуждении все той же «общей пользы» он, не моргнув глазом, может выгородить подлеца и прихлопнуть человека честного, и все это с последующим (в застольном «доверительном» разговоре) заверением в своей душевной преданности поголовному благополучию. Впрочем, иные Донаты

приспосабливают в качестве удобной маски, гарантирующей им моральную неприкосновенность, эту якобы озабоченность «общей пользой». В сущности-то вышеозначенная озабоченность не идет дальше выполнения вверенных по должности обязанностей, тут зачастую одна только видимость заинтересованности в общем благе. Да, довольно мрачная добродетель Доната — бог с ним, с этим его попечением об «общей пользе», уж лучше остаться без этого масштабного покровительства, всегда чреватого «сногшибательными» сюрпризами для личности.

Прочным свойством характера таких людей, как Донат, является их умение стать в официальных обстоятельствах выше сочувствия человеку, величаво приподняться на высоту отчужденности к нему. Человеческое в них тогда почтительно замирает перед идолом формализма. Всего только свидетелем, даже не обвиняемым, подошел к судейскому столу Семен Тетерин, и вот Донат Боровиков уже резкой чертой отделил себя от того, с кем еще вчера вел душевный разговор: «...в первом ряду восседает Донат Боровиков, смотрит в упор на Семена, и взгляд его торжественно-тяжелый, чужеватый, без сочувствия». В подобном положении этот торжественно-тяжелый, чужеватый взгляд не смягчить, пожалуй, никаким выражением душевной муки... Так много ли стоит отеческая широта Доната, когда каждый из подведомственной ему семьи в любое время может столкнуться с торжественно-тяжелым взглядом, от которого не жди сочувствия?!

Надо сказать, что Донаты рассуждают столь назидательно, когда они в «силе», но были бы они

верны этой мудрости, не поубавилось бы в их физиономии величавости, если бы сами они прошли через известную нам процедуру индивидуального избияния ради «общей пользы»? Донаты Боровиковы не имеют, видимо, ни охоты, ни привычки призадуматься над той очевидной истиной, что сомнительна «общая польза», которая достигается ценою произвола над человеческой личностью, что люди нуждаются не в отвлеченной «заботе» о них, что, наконец, именно интересы общего блага и требуют внимания к каждому отдельному человеку.

Конечно, Донату и его разнокалиберным нравственным коллегам представится делом пустячным, не стоящим упоминания психология пострадавшего от насилия, вообще душевная травма ближнего, но нам все-таки кажется более достойным человека та отзывчивость на людское горе, которым мается Семен Тетерин. «И от чужого горя (горя отца убитого. — М. Л.), невысказанного, непоправимого, безропотного, у Семена Тетерина перехватило горло. Он вновь почувствовал странный разлад в душе».

С болью рассуждает Семен об одиночестве человека в беде. «Он опять вспомнил парня-шофера, разглядывавшего медведя. Медведь удивил, а беда Михайлы прошла мимо! Он даже и не заметил, поди, Михайлу, тихо сидевшего в сторонке. Спокойненько потешал себя: мол, эго чудо-юдо зверь лежит!.. Да возмутись же, обидься за другого — живая душа мается! Такая же живая, как твоя... Прими ее боль, как свою. Можешь помочь — помоги, не можешь — просто пойми человека. Понять — это, пожалуй, самое важное... Худо в беде быть единому!»

Думается, что человеку более пристало развивать в себе — или, во всяком случае, не глушить — эту чуткость к чужой боли, нежели совершенствоваться в равнодушии...

Жизнь прихотлива в своих поворотах, которые могут задеть и Донатов Боровиковых, людей показательной самоуверенности, почитающих себя в отношении к другим выше всяких там сочувствий. Вот тогда-то Донат, может быть, и поймет, столкнувшись с таким же, как он сам, «гуманистом», что значит торжественная пустота в вышестоящем взгляде.

Нет, не в декларативных, с массовым захватом, руководящих отеческих объятиях обретут люди внутренние силы, а в атмосфере подлинно человеческого участия, взаимного небезразличия.

Но выходит так, что честный, совестливый Семен предает человека, скрывая на суде его невиновность. Здесь целая жизненно-психологическая проблема. Тетерин — не трус, но, как тонко замечает Дудырев, он из тех, кто на фронте мог не дрогнуть в минуту смертельной опасности и кто в мирное время может оробеть перед начальством. И дело не в том, что Тетерин — «медвежатник», житель глухомани, сроднившийся с лесом и его незамысловатыми законами и поэтому испытывающий растерянность перед усложняющейся жизнью. В этой «первородной» естественности Семена есть несомненная архаичность, условность. Вообще В. Тендряков «психологизирует» конфликты с нарочитой подчеркнутостью, рассудочно «заостряя» в героях качества, нужные автору для доказательства своего тезиса.

Таково противопоставление бесхитростной души Семена «цивилизованной» расчетливости служителей закона — прокурора и следователя.

Самая совесть становится отвлеченным укором всему казенному, в том числе и узаконенным нормам. Здесь нет особой оригинальности авторского взгляда, и не в этом «вечном» вопросе плодотворность поиска писателя. Для нас более поучительно исследование в повести конкретных жизненных обстоятельств, порождающих нравственные явления.

Итак, под действием страха Семен Тетерин задавливает все лучшее в своей душе; цельная натура таит в себе разлад, потенциальную возможность предательства; и это уже страшно. Дудырев внешне может победоносно демонстрировать капитулировавшему перед правдой Тетерину соблюденную порядочность — он разделил на суде вину пополам с Митягиным. Но ведь Дудырев, в откровенном, с глазу на глаз, разговоре с Тетериным, отказавшись от своей вины, «помог» тому уйти в себя с правдой и задавить ее. Тетеринская метаморфоза не может не затронуть гражданской совести Дудырева...

В литературе о деревне долгое время держались преимущественно легкие, праздничные мотивы, наблюдалось несколько игривое, резвое обращение с трудными вопросами жизни. Вряд ли кто-либо может считать, что этот взгляд на деревню не нуждается в совершенствовании...

В романе А. Андреева «Грачи прилетели» жестокость красок местами кажется даже резко подчерк-